

Наука о мышлении¹

В. П. Зинченко,
академик, доктор психологических наук

3. Мышление как действие

В свете изложенного выше утверждение, стоящее в названии этого раздела, не следует воспринимать как исчерпывающую характеристику мышления. Речь идет о том, что рассмотрение мышления как действия может послужить одной из возможных его проекций в качестве более пригодной для выполнения важной задачи школы научить детей мыслить. При решении других, не только обучающих задач могут оказаться полезными иные проекции мышления, например мышление как созерцание, мышление как воображение, мышление (знание) как припоминание (пра-воспоминание), мышление как интуиция и т. п.

Рассмотрение мышления как действия, конечно, не оригинально. Оно имеет длинную историю. Истоки его мы также находим у Платона, который вписал мышление в «состав» человека. М. К. Мамардашвили так излагает логику размышлений Платона: «Из чего же составлен человек? Вот есть у него чувственность, страсти, наслаждения, аффективная природа. И есть разум. Платон же сравнивает это с двумя конями. Есть пылкий конь, который стремится вперед, не стоит на месте, он быстр. А есть конь разум, который рассчитывает. Значит, разум, скажем, в голове, а чувственность это живот. Это чисто условные символические обозначения. А есть еще и третье. Оно называется мужеством. Иногда у Платона это мужество олицетворяется в образе возничего, который управляет конями. Это не разум управляет конями, а мужество, заимствуя что-то от разума и что-то от чувственности» [16, с. 306].

В этом образе мышление вплетено в поведение, в жизнедеятельность человека, оно выполняет вполне практическую, жизненную функцию. В разных вариантах образ Платона неоднократно воспроизводился в терминах соотношения ума и воли, характера, мужества. Б. М. Теплов приводит формулу Наполеона: «Военный человек должен иметь столько же характера, сколько и ума». Дарование настоящего полководца он сравнивал с квадратом, в котором основание – воля, высота – ум. Квадрат будет квадратом только при условии, если основание равно высоте; большим полководцем может быть лишь тот человек, у которого воля и ум равны. Если воля значительно превышает ум, полководец будет действовать решительно и мужественно, но мало разумно; в обратном случае у него будут хорошие идеи и планы, но не хватит мужества и решительности осуществить их [21, с. 228]. Теплов язвительно замечает, что ему не приходилось встречать в литературе случаи, когда этот вопрос решался бы в пользу ума.

Постоянным является также сюжет о соотношении аффекта и интеллекта: «кипящий разум», «холодный рассудок», «союз ума и фурий», вымечтанное, утопическое «единство аф-

¹ Начало публикации см.: Психологическая наука и образование. 2002. № 1, 2.

фекта и интеллекта» все это говорит о том, что мышление должно рассматриваться не как изолированная психическая функция, а в контексте целой человеческой деятельности.

Вернемся к Платону. Мышление, дающее истинное, достоверное знание, само есть деятельность души, связывающей (припоминающей) чувственные предметы и мнения в единство, тождество. Осознание противоречий и противоположностей в исследуемых предметах необходимое условие для пробуждения души к размышлению. Испытывавший на себе сильное влияние Платона, П.А. Флоренский определял разум не только как деятельность, но и как орган человека: «Что бы ни думали о человеческом разуме, но для нас загодя есть возможность утверждать, что он орган человека, его живая деятельность, его реальная сила, логос» [22, с. 73]. А.А. Ухтомский называл подобные деятельные органы функциональными. За, казалось бы, простым словосочетанием «функциональный орган» стоит сложнейшая реальность. Н. А. Бернштейн уподобил движение живому существу, которое в своем развитии дает начало мысли. А. Белый назвал мысль живым организмом, который, как растение, ветвится и ширится. Выделение для анализа деятельной проекции такого сложного организма вполне оправдано. Нужно только помнить, что она не единственная.

Забудем на время принадлежащее А. Бергсону (и не только ему) противопоставление интеллекта и интуиции и обратимся к его деятельностной трактовке интеллекта: «Если бы, если бы мы могли отбросить все самомнение, если бы при определении нашего вида мы точно придерживались того, что дают нам исторические и доисторические времена для справедливой характеристики человека и интеллекта, мы не говорили бы, быть может, *Homosapiens*, но *Homofaber*. Итак, интеллект, рассматриваемый в его исходной точке, является способностью фабриковать искусственные предметы, в частности из орудий создавать орудия, и бесконечно разнообразить их выделку» [2, с. 123—124]. Заметим, что по-гречески орудие — *οργανον*, орган, член, т. е. искусственное орудие можно рассматривать подобно функциональному органу в понимании А.А. Ухтомского. Такие органы не даны от рождения. Они возникают в самой деятельности по ходу ее осуществления.

П.А. Флоренский, развивая приведенное положение А. Бергсона, пишет: «Если разум внешне раскрывает себя, как неопределенно возрастающая и усложняющаяся совокупность орудий, то, изнутри рассматриваемый, он есть совокупность проектов этих же орудий, схем и образов, обладающих притом импульсом к экстериоризации, к воплощению, к материализации. Разум есть потенциальная техника, техника есть актуальный разум. Другими словами, содержанием разума должно быть нечто, что, воплощаясь, дает орудие. А так как содержание разума — термины и их соотношения, то можно сказать: орудия не что иное, как материализованные термины, и потому между законами мышления и техническими достижениями могут быть усматриваемы постоянные параллели» [23, с. 132]. Прошло почти 80 лет с тех пор, как написаны эти слова. Сегодня такие параллели усматриваются уже между естественным и искусственным интеллектами.

Об орудийности терминов, в том числе понятий, схем, образов будет специальный разговор, а пока вернемся к А. Бергсону. «Мы, говорит он, считаем человеческий интеллект зависимым от потребности в действии. Положите в основание действие, и форма интеллекта сама из него вытечет» [2, с. 137]. Хотя способность интеллектуального познания формировалась первоначально в интересах каких-либо отдельных действий, она дает человеку огромные практические преимущества, состоящие в том, что познание приобретает форму, которая может быть наполняема бесконечным числом вещей. Даже теми, которые практически ничему не служат. В разумном существе заложено то, чем оно может превзойти себя. М. К. Мамардашвили писал об этом же еще более категорично: «Все существующее должно превосходить себя, чтобы быть собой в следующий момент времени. При этом то, что я есть сейчас, не вытекает из того, что я был перед этим, и то, что я буду завтра или в следующий момент, не вытекает из того, что я есть сейчас» [15, с. 114]. Несмотря на всю кажущуюся экстравагантность подобного описания свободного поведения человека, его необходимо

учитывать при решении задач психолого-педагогической диагностики, как, впрочем, и любой другой. Иначе говоря, человек не только актуальность, но и потенциальность, закрытая от непосредственного наблюдения.

Вернемся к логике А. Бергсона. Первым ремеслом интеллекта было изготовление орудий, однако само это изготовление возможно «только при употреблении средств, выкроенных не по точной мерке их предмета, но переходящих за этот предмет и допускающих таким образом для интеллекта труд дополнительный, т. е. бескорыстный». Основой такой бескорыстности является избыточность мышления по отношению к отдельной решаемой задаче. Наступает момент, когда «интеллект, размышляя о своих действиях, начинает смотреть на себя как на создателя идей, как на способность получать представление вообще» [2, с. 135, 143]. Значит, выдающегося антиинтеллектуального интуитивиста А. Бергсона интуиция не подвела. Он все же вывел интеллект из нужд действия, рассмотрел его как действие, совершающееся в интересах все того же действия. При этом интеллектуальное действие производит формы познания, идеи и представления вообще, т. е. производит обобщения.

Более того, интеллектуальное познание схватывает, хотя бы отчасти, подлинный образ реальности: «Если форма интеллекта живого существа отлилась мало-помалу по взаимным действиям и противодействиям между известными телами и окружающей их материальной средой, то почему же не может он сказать чего-либо о самой сущности того, из чего созданы эти тела? Действие не может совершаться в нереальном... интеллект, стремящийся к действию, которое должно быть выполнено, и к противодействию, которое должно последовать, интеллект, нащупывающий свой объект, дабы в каждый момент получать от него подвижное впечатление, такой интеллект соприкасается с чем-то абсолютным» [2, с. 143]. Очень точно замечено: с абсолютным, которое не может быть только абстрактным! Если интеллектуальное действие позволяет соприкоснуться с абсолютным, то оно вполне может служить основанием для развития мыслительных способностей учащихся. Своеобразие интеллектуального действия состоит в том, что оно вводит тела (вещи, предметы) во взаимодействие, в котором открываются ранее непосредственно невидимые в них свойства. Действующий человек начинает видеть невидимое. Точно определить невидимое это и есть мысль, как возможность мысли, говорил М. К. Мамардашвили. А.Н. Леонтьев предложил изменить известную субъект-объектную схему познания, по которой работает восприятие на схему «субъектно-объектно-объектную», что и означает введение объектов во взаимодействие [14, с. 334]. Аналогичен ход мыслей В.В. Давыдова, который видел недостаток эмпирической теории мышления в том, что для нее существует «человек – описание вещей», но не существует схема: «человек – вещи – теоретическая модель связей вещей» [5, с. 12]. Последняя схема тоже недостаточна. В нее в качестве замыкающего элемента следует включить человека, не только изменившего вещи или представления о них, но и своим предметно-практическим или мыслительным актом изменившего самого себя. Полный вариант схемы можно представить следующим образом: «человек – действия с вещами – теоретическая модель связей вещей — человек».

Важно результаты взаимодействия вещей или их связи видеть, как говорил Платон, не обычными глазами, а «глазами ума», если угодно «глазами интуиции». Значит, интеллектуальное действие должно быть направлено не только вовне, но и вовнутрь, точнее, на самого действующего индивида, тогда он создаст «глаза ума», или, выражаясь современным языком, новый функциональный орган-новообразование. Альбрехт Дюрер, например, говорил, что у художника после усвоения правил и мер в работе должен появиться в глазу циркуль и угольник, а в руках — рассудительность и навык. Мы привыкли называть это глазомером, ручным мышлением, умным деланием и т. п. В ходе индивидуального развития восприятия складываются и развиваются их когнитивные продукты: сенсорные и перцептивные эталоны, оперативные единицы восприятия, когнитивные схемы и карты, интегральные образы,

понятия и т. п. Например, важную роль в восприятии играет формирование сенсорных эталонов, которые соответствуют не единичным свойствам окружающей действительности, а системам выработанных той или иной культурой сенсорных качеств и их совокупностей [10]. К ним относятся «решетка фонем» родного языка, общепризнанная шкала музыкальных звуков, привычные геометрические формы и т. п. Над сенсорными эталонами надстраиваются оперативные единицы восприятия, представляющие собой компактные, семантические целостные образования, формирующиеся в результате перцептивного (в том числе и профессионального) обучения и создающие возможность практически одномоментного (симультанного), одноактного целостного восприятия объектов и ситуаций, независимо от числа содержащихся в них признаков [11]. Много позже образования, подобные оперативным единицам восприятия, когнитивным схемам и т. п., Дж.Келли назвал «персональными конструктами». На самом деле «персональные конструкты» более адекватно переводить как «конструкты индивидуальности», а не как «личностные конструкты», как это принято в нашей литературе. По сути дела, «персональный конструкт» — это функциональный орган индивида в смысле А. А. Ухтомского. Платоновские «глаза ума» видят общее в предметах, в том числе видят идею, что не должно удивлять. У Платона идея это и образ.

Продолжу аргументацию тезиса о том, что мышление есть действие, так сказать, от противного, обратившись к взглядам В. Джемса, еще большего антиинтеллектуалиста, чем А. Бергсон, правда, им же и вдохновленного. Как бы В. Джемс не принижал интеллект и не возвышал религиозный опыт и мистический гнозис (познание), самому интеллекту он дал замечательную характеристику, указав на практическую природу интеллекта и интеллектуального познания. Интеллект для него орудие практической ориентации, орудие практического обслуживания жизни и вытекающих из жизни духовных потребностей. Приведу несколько иллюстраций, весьма полезных для понимания по крайней мере внешней связи мышления и действия.

Чувственное впечатление существует лишь для того, чтобы возбудить центральный процесс мышления, а последний существует лишь для того, чтобы вызвать конечный акт. Таким образом, всякий акт не что иное, как реакция на внешний мир; а средняя ступень рассмотрение, созерцание или мышление только переходный пункт, середина петли, оба конца которой прикреплены к внешнему миру. «Если бы умственный процесс не коренился во внешнем мире, если бы он не вел к активным проявлениям, он не исполнял бы своего назначения, и его надо было бы считать или патологическим, или незаконченным. Поток жизни, проникающий в нас через уши или глаза, должен вернуться во внешний мир через посредство наших рук, ног или уст. Мысли, которые порождаются в нас этим потоком, в сущности, только определяют, к какому из упомянутых органов должен быть направлен последний при данных обстоятельствах для того, чтобы действия наши всего более способствовали нашему благополучию» [6, с. 131].

Это, конечно, даже для своего времени несколько наивные представления о связи мысли и действия. Но зато они очевидны. Более решительно о такой связи говорил современник В. Джемса И. М. Сеченов, который отнес к элементам мысли не только «чувственные ряды», но и «ряды личного действия».

В нашей отечественной традиции действие рассматривалось в качестве генетически исходной единицы, из которой произрастает мышление либо по законам интериоризации (П.Я. Гальперин), либо по законам дифференциации (А. В. Запорожец). В.В. Давыдов даже назвал разумное предметное действие генетически исходной интеллектуальной операцией, являющейся основой всего мышления [5, с. 240]. Красиво об этом же писал С. Л. Рубинштейн: «Действие... как бы несет мышление на проникающем в объективную действительность острие своем» [19, с. 395]; «Мышление не просто сопровождается действием или действием мышлением; действие — это первичная форма существования мышле-

ния. Первичный вид мышления это мышление в действии и действием, мышление, которое совершается в действии и действием выявляется» [19, с. 362].

С. Л. Рубинштейн предусматривал возможность и другой, не-деятельностной проекции мышления и описания его в терминах процесса: «Так, например, мышление рассматривается как деятельность, когда учитываются мотивы человека, его отношение к задачам, которые он, мысля, разрешает, когда, словом, выступает личностный (а это прежде всего значит мотивационный) план мыслительной деятельности. Мышление выступает в процессуальном плане, когда изучают процессуальный состав мыслительной деятельности — те процессы анализа, синтеза, обобщения, посредством которых разрешаются мыслительные задачи. Реальный процесс мышления, как он бывает дан в действительности, представляет собой и деятельность (человек мыслит, а не просто ему мыслится), и процесс или деятельность, включающую в себя всю совокупность процессов (абстракцию, обобщение и т. д.)» [20, с. 257]. Перечисленные и не перечисленные автором процессы, в свою очередь, также могут рассматриваться как деятельности, действия и даже операции. Например, анализ чего-либо может выступать в форме учебной задачи и соответствующей этой задаче форме учебной деятельности. Анализ может выступать и как отдельное умственное действие, прием, способ, операция, включенные в более широкие структуры деятельности.

Разумеется, мышление не всегда выступает в служебной роли по отношению к действию. Человек, выражаясь словами А.С. Пушкина, «думой развивает». Что это означает? Как это возможно? Интересные размышления по этому поводу мы находим у М.К. Мамардашвили и: «...мысль есть, прежде всего, действие. Обычно под мыслью понимают некое мыслительное состояние, которое мы получаем шагами рассудка, рассуждения. В этом случае ее еще называют отражением реальности. А я хочу сказать другое: хотя мысль, несомненно, ментальное состояние (то есть она может быть таковым), но по сути дела в своем фундаменте она есть действие, благодаря которому у нас появляется, помимо отражения, возможность создать что-то. Ибо чтобы увидеть что-то, мы вносим порядок и потом видим... Так вот это упорядочивающее движение и есть мысль, и есть действие» [15, с. 19]. Здесь мы можем сделать следующий шаг. Выше шла речь о том, что А. А. Ухтомский ввел понятие «функциональный орган» индивида. Функциональный орган это всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. С точки зрения А. А. Ухтомского и Н. А. Бернштейна живое движение и действие также представляют собой функциональные органы. Соответственно, мысль, рассматриваемая как действие, также представляет собой орган индивида, обладающий к тому же порождающими свойствами, т. е. возможностями создать что-то. А. А. Ухтомский называл функциональные органы виртуальными, они наблюдаемы лишь в исполнении, в котором они возникают, и по его завершении тут же скрываются, исчезают, чтобы затем породиться вновь. Функциональные органы, согласно А. А. Ухтомскому, это органы духа, а не тела, хотя они обладают собственной морфологией. Такова же логика и М. К. Мамардашвили, предложившего следующую тавтологию: мысль есть возможность мысли. Или возможность еще большей мысли. И в этом случае мысль действительно есть орган, а не опыт. Конечно, опыт мышления, опыт мысли помогает родиться мысли, но сама мысль есть мысль, а не опыт. Добавлю: и не память. Эрудиция и ум далеко не всегда совпадают. Естественный ход развития: от действия к мысли, а не от памяти к мысли. Об этом же писал О. Мандельштам: «Ум... не есть знание и совокупность знаний, а есть хватка, прием, метод» [15, с. 174].

Давнее и стойкое заблуждение относительно того, что мысль есть результат опыта, заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. Приведу по этому поводу критические соображения К. Дункера в адрес Дж. Дьюи, которые в равной мере относятся и к В. Джемсу: «В книге «Как мы мыслим» (1909) можно найти блестящую формулировку: «Обнаружение промежуточных понятий, которые, будучи поставлены между отдаленной целью и данными средствами приводит их к гармонии друг с другом...». Но Дьюи навсегда закры-

ваает перед собой двери, когда заявляет: «Что же является источником предположения? Конечно, прошлый опыт и прошлые знания» (с.12). Неудивительно, что здесь нельзя найти специфической характеристики мышления. Согласно Дьюи, ее следует искать в более глубоких и обширных наблюдениях, суждениях, умственных привычках, внимательности, подвижности, серьезности, короче говоря, в тренированном разуме. Кто будет отрицать, что эти качества являются крайне важными для мышления? Но они представляют скорее общую гигиену мышления, чем теорию того, что до сих пор еще не определено и что по здравому смыслу обозначается словом «проницательность». В конце концов, у здравого смысла прекрасный нюх, но зато старчески тупые зубы» [7, с. 25].

К вопросу о специфике интеллектуального действия как такового мы обратимся позднее, а пока вернемся к Дж. Дьюи и его полезной «гигиене мышления». Он определяет человека как мыслящего деятеля, а мышление как его действие, при котором наличные факты вызывают другие факты (или истины) таким образом, чтобы вывести уверенность в последних на основе или гарантии первых [8, с. 12]. Мышление это та функция, в которой данные и подтвержденные факты представляют или указывают другие, не данные непосредственно [8, с. 25]. Дьюи совершенно справедливо относит эти определения к описанию внешней и наглядной сторон мышления. Дальнейшее исследование вскрывает более глубокие пласты, имеющиеся во всякой рефлексивной деятельности. Такими являются состояния неопределенности, колебания, сомнения, а также процессы поиска или исследования, направленные на то, чтобы выявить дальнейшие факты, служащие для подтверждения или отвержения того или иного возникшего мнения, предположения, гипотезы. Дьюи обращает внимание на существование «первобытного легковерия», несклонного делать различия между тем, что дисциплинированный ум называет мыслью, и тем, что он называет умозаключением. Такие различия тем более важны, что мыслящее существо нередко должно действовать на основании неизвестного и будущего.

Педагогический пафос его интересной и полезной книги состоит не в формировании ума, который он считает врожденным, а в усовершенствовании, в воспитании его рефлексивности, критичности, дисциплинированности, самостоятельности. Позже американские психологи и педагоги назвали эти свойства независимостью и автономностью мышления. Дьюи видел задачу учителя не в том, чтобы научить учащихся владеть материалом как таковым, а в том, чтобы приспособить материал для питания мысли, сделать ученика ответственным за доказательство разумности выдвинутого им предположения. Для этого, естественно, требуется время: «Переработка смутной и более или менее случайной идеи в последовательную и определенную форму невозможна без сосредоточенности, без свободы от внешних влияний. Мы говорим: «Постой и подумай». Также всякая рефлексия подразумевает в известном пункте приостановку внешних наблюдений и действий, чтобы идея могла созреть. Размышление, удаление или отвлечение от шумного выражения чувств и от проявлений внешней деятельности так же необходимо на ступени рассуждения, как наблюдение и опыт в другие периоды. Метафора переваривания и усвоения, так легко возникающая в уме по отношению к умственной деятельности, крайне поучительна. Молчаливая, непрерывная умственная работа, направленная на сопоставление и взвешивание конкурирующих представлений, доводов, соображений, необходима для выведения последовательных и целостных заключений. Размышление не более сходно с оспариванием, или доказательством, или внезапным немотивированным признанием и отвержением доводов, чем пищеварение с неприятным чавканьем. Учитель должен обеспечить возможность свободного мысленного переваривания» [8, с. 163—164]. В нашей литературе последнему термину соответствует термин «усвоение», а также несколько двусмысленный термин «присвоение». Проблема должна определять цель мысли, а цель контролировать процесс мышления.

Книга Дж. Дьюи полна подобных полезных советов (правда, ее перевод оставляет желать лучшего, выдержки из русского издания приходится редактировать). Дж. Дьюи, как и

М. Вертгеймер, достаточно пессимистически оценивал современную ему систему школьного обучения. Они оба внесли заметный вклад в то, что мы привыкли сегодня называть развивающим обучением. К идеям этих выдающихся ученых мы будем обращаться и далее.

Интересно о связи мысли и действия сказано у Л.С. Выготского: «Как говорит Ф. Шиллер, мысли легко уживаются друг с другом, но жестко сталкиваются в пространстве. Поэтому, когда ребенок начинает в какой-то ситуации мыслить, это означает не только изменение ситуации в его восприятии и в его смысловом поле, но это означает в первую очередь изменение в его динамике. Динамика реальной ситуации, превратившись в текучую динамику мысли, стала обнаруживать новые свойства, новые возможности объединения и коммуникации отдельных систем. Однако это прямое движение от актуальной ситуации к мысли было бы совершенно бесполезно и не нужно, если бы не существовало и обратное движение, обратное превращение текучей динамики мысли в жесткую и прочную динамическую систему реального действия. Трудность выполнения ряда намерений как раз связана с тем, что динамику мысли с ее текучестью и свободой надо превратить в динамику реального действия» [3, т. 5, с. 250]. Далее Выготский пишет, что действие, преломленное, через призму мысли, превращается уже в другое действие, осмысленное, произвольное и, следовательно, свободное, т. е. стоящее в ином принципиальном отношении к ситуации, чем действие, непосредственно обусловленное ситуацией и не прошедшее через это прямое и обратное превращение динамики. Он имеет в виду: 1) превращение динамики психологического поля, динамики ситуации в динамику мышления; 2) развитие и превращение динамических процессов самой мысли, ее обратное превращение в динамику действия [там же]. Эти идеи навеяны Выготскому теорией динамического поля К. Левина. Однако Выготский, в отличие от Левина, не изолирует мышление, с одной стороны, и реальную деятельность в актуальной ситуации, с другой. Конечно, мышлению как определенному виду деятельности присуща динамика особого рода, определенного типа и сорта. Точно так же, как реальному действию присуща своя динамика столь же определенного типа и сорта. Но вне определенного вида конкретной деятельности не существует двух видов динамики. И, наконец, самое важное в интересующем нас контексте: «Но мы знаем также, что оба вида деятельности — мышление и реальное действие не представляют отдаленных друг от друга непроходимой пропастью областей: на деле в живой действительности мы на каждом шагу наблюдаем переход мысли в действие и действия в мысль. Следовательно, и обе динамические системы — более подвижная, связанная с мышлением, и менее подвижная, связанная с действием, так же не изолированы друг от друга» [там же, с. 249]. Пожалуй, с последним тезисом Выготского можно было бы поспорить. Ибо изученная к настоящему времени микроструктура и подвижность микродинамики действия поражают самое смелое воображение [4]. Так или иначе, но большая подвижность мышления по сравнению с предметным действием означает и большую свободу мысли свободу от предметных обстоятельств, сковывающих действие, свободу от таких суровых категорий (определений) бытия, какими являются пространство, время и даже социум. Строго говоря, подобной абсолютной свободой обладает только сознание. Мышление по сравнению с ним более реалистично.

К сожалению, неизвестно, когда Л.С. Выготский написал статью «Проблема умственной отсталости», из которой взяты эти выписки (впервые она опубликована в 1935 г.). В книге «Мышление и речь» Л.С. Выготский сосредоточил свое внимание на знаково-символической деятельности мышления. Линию исследований мышления и действия продолжили его ученики и последователи А. В. Запорожец и Л.И. Божович.

Л.С. Выготский, обсуждая динамическую теорию К. Левина, писал об участии в деятельности мышления не только воли, но и аффекта: «Как наши действия возникают не без причины, а движутся известными динамическими процессами, потребностями и аффективными побуждениями, так и наше мышление всегда мотивировано, всегда психологически обосновано, всегда вытекает из какого-либо аффективного побуждения, которым оно при-

водится в движение и направляется. Мышление, немотивированное динамически, так же невозможно, как и беспричинное действие. В этом смысле еще Спиноза определяет аффект как то, что увеличивает или уменьшает способность нашего тела (у Спинозы — «способность мыслящего тела». — В.З.) к действию и заставляет мышление двигаться в определенном направлении» [3, т. 5, с. 349]. В другой работе Л.С. Выготский прямо утверждает единство аффекта и интеллекта, говорит о том, что за мыслью стоят аффективная и волевая тенденции.

Вспомним в связи с этим заданный Платоном смыслообраз интеллекта, как творческого начала человеческой души, которая обладает тремя атрибутами: познанием, чувством и волей. Этими же атрибутами обладает и мышление в трактовке Выготского, хотя сам он весьма и весьма двойственно относился к классическому пониманию психологии как науки о душе. С одной стороны, Л.С. Выготский писал: «...сама идея научного строения о душе (так в тексте! — В.З.) содержит в себе весь будущий путь психологии...» С другой стороны, на этой же странице мы читаем: «...если теперь идея души реакционна, то когда-то она была первой гипотезой древнего человека, огромным завоеванием мысли, которому мы обязаны сейчас существованием нашей науки» [3, т.1, с. 428—429]. Но имя «психология» Л.С. Выготскому было дорого. Настолько, что он категорично возражал С. Л. Франку, справедливо писавшему, что современная психология утратила право называть себя наукой о душе: «Мы полагаем, что именно материалистическая ветвь должна называться психологией» [там же, с. 426]. Как следует назвать идеалистическую ветвь, Л.С. Выготский, правда, не уточнил. Несмотря на всю эту, видимо, навеянную социальной ситуацией развития науки в стране двойственность, Л.С. Выготский не только сохранял смыслообраз интеллекта, но и многое сделал для его развития и конкретизации. Сохранял смылообраз интеллекта и М. М. Бахтин, писавший о том, что мысль не только действие, но и поступление. (Не связана ли эта идея с тем, что в советское время мысль оценивалась как преступление?) Поступающее мышление, согласно Бахтину, есть единая «ткань моего эмоционально-волевого, действительно-живого мышления переживания» [1, с. 36]. Это положение замечательно иллюстрирует идею гетерогенности мышления.

Выше были приведены соображения Л.С. Выготского о взаимоотношениях мышления и действия, о том, что мышление само есть деятельность и действие, поскольку в основной своей работе, посвященной мышлению, в книге «Мышление и речь» главной единицей анализа мышления он признает значение. В целом это, конечно, верно, но значение значению рознь. Оно может быть не только вербальным.

Ученик и сотрудник Л.С. Выготского А. В. Запорожец в начале 30-х гг. исследовал «доречевые практические обобщения», «действенные обобщения», «функциональные значения предметов», которые складываются в предметно-практической деятельности детей. Испытуемыми были глухонемые дети 4-9 лет, речевые навыки которых незначительны: они умели невыразительно произносить лишь немного отдельных слов. Дети решали задачи на установление механических связей и отношений, в том числе и при использовании рычага. Переходя от одной задачи к другой, ребенок вынужден пользоваться рычагом, выступаящим каждый раз с новой стороны и требующим новых приемов применения. Детям удавалось устанавливать сходство функционального значения нескольких разных предметов. Возникавшие у них «динамические понятия» отражали сходство, во-первых, функционального значения предметов, во-вторых, их внешнего вида. А.В. Запорожец отмечает, что этим обобщениям присуща слитность сенсорных и моторных компонентов, и они могут быть охарактеризованы как сенсорно-динамические, а не вербальные образования. Большой интерес представляет поиск А.В. Запорожцем адекватного термина, описывающего доречевые значения. Такой поиск осуществлялся и другими учеными. М.М. Бахтин, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и сам А.В. Запорожец вводили термин «предметное значение». Позже появился термин и «операциональное значение».

К заключению о том, что в основе мышления лежит действие, пришли многие психологи: представители Вюрцбургской школы, А. Валлон, Ж. Пиаже. Последний, например, писал, что всякое действие повторяется или обобщается (генерализуется) через применение к новым объектам, порождая тем самым некоторую «схему», т. е. своего рода «практический концепт». Наиболее удачное обозначение для таких странных терминов, как предметные, функциональные, операциональные, сенсорно-динамические значения; динамические, практические, ручные понятия и т. п., дал М.К. Мамардашвили. Он обозначил их как «невербальное внутреннее слово». Невербальное, но все же слово, несущее то или иное значение, а раз слово, то оно, во-первых, по крайней мере потенциально, может быть сообщено другому, а во-вторых, по определению является обобщением.

В упомянутом исследовании глухонемых детей А.В. Запорожец прослеживает, как действие само становится знаком, т. е. текстом, словом. Это происходит в ситуации взаимодействия детей, когда один ребенок помогает решить задачу другому. В такой ситуации движение, пишет А.В. Запорожец, как бы отчуждается от действия. Действие превращается в знак, в жест для того, чтобы обозначить другому ситуацию, свое отношение и действие в этой ситуации. В случаях непонимания буквальный образ действия превращается в рассказ о нем с характерным отбрасыванием несущественного и подчеркиванием главных моментов, т. е. преобразуется в «ручное понятие». А.В. Запорожец использовал и другую ситуацию, когда один ребенок помогал другому с помощью рисунка. Здесь обнаружено дальнейшее развитие обобщения. Движения, мимика, жесты как бы оседают в рисунке. Конечно, оседает след мимики, а не ее изображение. При задаче коммуникации действия «образ вещи или связи вещей, не отделенный ранее от восприятия вещи, приобрел теперь, вследствие обозначения жестом, самостоятельное существование, стал приобретением другого человека...» [9, с. 172]. Но это имеет и другую сторону. Благодаря тому, что у ребенка складывается способность встать на точку зрения другого человека, он может сам понять и изобразить (в движении, жесте, рисунке, слове) смысл и значение собственных действий. Таким образом, действие отделяется от предмета и само становится предметом деятельности, ее целью, предметом понимания, осмысления, подражания, усовершенствования.

Еще раз вернемся к замечательной формуле: «жест оседает в рисунке». Эта формула отличается от привычной марксовской формулы: «деятельность умирает в продукте». Действительно, если продукт качественный, на нем не видны следы его изготовления. Может быть, точнее сказать, что деятельность, действия преобразуют нечто в продукт и в этом смысле оседают в нем. Но дело не только в лингвистических нюансах. Действие ведь имеет два вектора: вовне на предмет и вовнутрь на самого деятеля. Оно порождает знак или само становится знаком. Оно порождает образ (перцептивные действия это особый и хорошо известный сюжет, о котором речь будет далее). Но оно же становится «практическим концептом», «ручным понятием», порождает «невербальное внутреннее слово». Сделаем еще один шаг: действие порождает мысль и само становится ее носителем. Разумеется, не всякое действие. Чтобы породить мысль или стать мыслью, в самом действии должно нечто произойти. Важное, хотя и недостаточное, условие состоит в том, что оно должно стать знаком, осознанно или неосознанно адресованным другому. Имеются давние наблюдения, что движения младенца приобретают знаковые функции еще до того, как они станут исполнительными, достигающими предмета. Сформированные исполнительные действия уже больше, чем знак, это текст, который может быть преобразован в своего рода стенограмму, в совокупность или систему значков. Именно поэтому предметно-практическое действие может стоять за мыслью, пусть трижды примитивной, но мыслью. Это столь же справедливо, как и то, что предметно-практическое действие может стоять за образом. А из этого вытекает еще один вывод, сделанный в свое время А.В. Запорожцем. Действие само может быть разумным, а вовсе не потому, что им руководит посторонний по отношению к нему интеллект.

Интеллектуальность, разумность, к ним сегодня можно добавить и рефлексивность это свойства самого предметно-практического действия. Поэтому-то мы с полным правом, а не метафорически говорим не только о сенсорных, перцептивных и мнемических действиях, но и о действиях умственных, о наглядно-действенном мышлении, о практическом мышлении, которое устанавливает отношения между вещами в соответствии с особой предметной логикой. М. Вертгеймер по этому поводу писал: «Там, где естественная, жизненная, конкретная связь не содержится в вещах или не требуется конкретной ситуацией, там вначале не существует и логической связи, невозможно никакое логическое объединение. Но эта особенность свойственна лишь естественному мышлению в противоположность нашему, которое логически идет в направлении «все считается» и «все может быть объединено связью типа и».

В приведенном выше описании Л.С. Выготского есть не только сходство, но и существенное отличие от гештальтпсихологии. Оно состоит в подчеркивании динамики мысли, происходящей не только в оптическом поле (это будет после мысли), не в мозговом поле (это от лукавого), не в феноменальном поле — поле восприятия (этого недостаточно), а в поле смысла и в поле действия. К этим идеям (только в конце 30-х — начале 40-х гг.) пришел создатель гештальтпсихологии М. Вертгеймер, включивший действие в ткань мышления. Он принципиально не согласен с бытующим и до сего времени положением о том, что мышление вербально по своей природе, а логика обязательно связана с языком. М. Вертгеймер существенно трансформировал исходные понятия гештальтпсихологии понятия оптического и феноменального полей, «забыл» об их изоморфизме, «забыл» и о мозговом поле. Оптическое поле предстало как исходная предметная, проблемная ситуация, а феноменальное поле не просто как ее новое видение (усмотрение), а как «место» ее преобразования. Из всего контекста исследований М. Вертгеймера с необходимостью следует, что между оптическим и новым феноменальным полем находится поле предметных и социальных действий, т. е. поле деятельности, которая является средством не только их преобразования, но и конструирования. Мысленная система действий, описываемая Вертгеймером как в терминах стадий, шагов, фаз, перецентрирования, так и в терминах собственно действий, может способствовать или препятствовать возникновению актов инсайта, интуиции, а их результат новый образ, в свою очередь, развертывается в действия по реальному преобразованию ситуации. Значит, действие выступает в качестве условия образования гештальта, независимо от того, хороший он или плохой, исходный или завершающий. По сути, Вертгеймер дал описание визуального мышления, но, к сожалению, не ввел этого термина. Понятие «визуальное мышление» ввел другой представитель гештальтпсихологии — Р. Арнхейм, высоко ценивший исследования М. Вертгеймера.

Для визуального мышления характерно то, что оно является действием, но действием особого рода (действие не только в плане образа, но и с самим образом, оперирование, манипулирование образом). У таких действий есть своя собственная, хотя и скрытая от нас, предметная логика. Посредством действий с образом исходная ситуация преобразуется в требуемую ситуацию: то, что есть, преобразуется в то, что желательно, что должно быть (см. приведенные выше размышления на этот счет А.А. Ухтомского). Это справедливо не только для мышления, но и для любого поведенческого акта, будь этот акт инстинктивным, разумным или неразумным, когда человек движим ложной идеей, утопией, воодушевлен «обманами путеводными» т.п.

Проиллюстрирую сказанное о мышлении как действии описанием мышления художника: «У Данта философия и поэзия всегда на ходу, всегда на ногах. Даже остановка разнообразность накопленного движения: площадка для разговора создается альпийскими усилиями. Стопа стихов — вдох и выдох шаг. Шаг — умозакрывающий, бодрствующий, силлогизирующий».

Образованность школа быстрейших ассоциаций. Ты схватываешь на лету, ты чувствителен к намекам — вот любимая похвала Данта.

В дантовском понимании учитель моложе ученика, потому что «бегает быстрее».

«...Он отвернулся и показался мне одним из тех, которые бегают взапуски по зеленым лугам в окрестностях Вероны, и всей своей статью напоминал о своей принадлежности к числу победителей, а не побежденных.

Омоложивающая сила метафоры возвращает нам образованного старика Брунетто Латини в виде юноши — победителя на спортивном пробеге в Вероне» [17, с. 217].

Итак, мы пришли к тому, что мышление может рассматриваться как действие. Но таким же образом могут рассматриваться и другие психические процессы: есть сенсорные, перцептивные, мнемические действия; есть действия манипулятивные, предметные, исполнительные; есть действия социальные, коммуникативные, речевые и т. д. Какова же общая структура действия как такового и мыслительного в частности? Дж. Верч в книге «Мышление как действие» (1998) опирается на интересный драматический подход к анализу человеческого действия и его мотивов, развитый К. Бурке. Пентада Бурке включает: Акт, Сцену, Агента, Средства и, наконец, Цель.

Акт (действие) характеризует, что произошло в действии, случилось ли это в мысли или на деле. Сцена это фон, контекст Акта, ситуация, в которой развивался и протекал Акт. Агент (деятель) характеризует особенности действующего лица. Средства (медиаторы-посредники) характеризуют опосредствующие действия, инструменты, культурные орудия и, видимо, функциональные органы индивида в том числе. Цель характеризует, для чего или ради чего совершился Акт.

Между всеми членами пентады имеются противоречия и напряжения, которые, в конце концов порождают действие, приводящее к их разрешению. Дж. Верч справедливо замечает, что простота пентады Бурке весьма обманчива, хотя все ее члены эквивалентны обычным учебным вопросам: какой? Где? Кто? Как? Почему? На эти вопросы учат отвечать школьников.

Действие (акт) может иметь внешнюю или внутреннюю форму, может осуществляться коллективно, как малой, так и большой группой или индивидуально. Разнообразие средств действия с трудом поддается воображению, не говоря уже об их исчислении. Это же можно сказать о культурных и социальных контекстах осуществления действий и их целях. И, тем не менее, когда речь идет об анализе и исследовании психического акта, каким бы он ни был перцептивным, умственным, аффективным, полезно учитывать всю пентаду Бурке.

Дж. Верч центром и единицей анализа мышления, рассматриваемого как действие, берет опосредствованное действие, ссылаясь при этом на традиции его изучения, имеющиеся в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. Опосредствованное действие — это действие индивида, вооруженного культурными орудиями, средствами или медиаторами (*meditational means*). Действие находится как бы в середине между индивидом и сфабрикованными, по словам А. Бергсона, орудиями. Медиаторы могут рассматриваться и как языки мышления. Подобная их интерпретация должна быть предметом специального разговора. Пока же ограничимся изложением общих свойств опосредствованного действия, которые удачно систематизировал Дж. Верч.

Первое свойство характеризует отношения агента и медиатора. Между ними устанавливается неспадающее напряжение. Можно было бы сказать даже сильнее. Человек, сливаясь с медиатором, образует новый функциональный орган, новое сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. Примеры напрашиваются сами собой: д'Артаньян и его шпага, М. Ростропович и его виолончель. Это же относится и к ментальным орудиям медиаторам, например к языку. Не так легко ответить на вопрос: «Язык орудие человека или человек орудие языка?» Мы убеждены, что без А. С. Пушкина русский язык был бы дру-

гим. Поэтому И. Бродский говорил, что убийство поэта это антропологическое преступление — преступление против языка.

Второе свойство опосредствованного действия характеризует материальность медиаторов. Это положение можно принять с некоторой оговоркой. Несомненно, не только технические орудия, но и ментальные — такие как язык, знак, символ, образ, схема, карта, модель и т. п., имеют внешнюю вполне материальную форму. П.А. Флоренский заметил: слово — это не воздушное ничто. Ему вторит И. Бродский: воздух вещь языка. Но орудия имеют также назначение и значение, которые трудно назвать материальными. И. Бродский продолжает:

Небосвод —
хор гласных и согласных молекул,
в просторечии душ.

П. А. Флоренский говорил, что символ это и вещь, и идея. Собственно, их усвоение состоит в том, что они как бы прорастают в человека или человек погружается во внутреннюю форму, например, слова или символа. В психологии такой процесс часто обозначается как интериоризация внешних, культурных средств деятельности и превращение их во внутренние, или, вернее сказать, в собственные, средства деятельности.

Третье свойство множественность целей опосредствованного действия. Выше шла речь об избыточности мышления, которое, конечно, относится к классу опосредствованных действий. Любое из них может достигать не только предметного результата, отвечающего его прямой цели, но и других результатов, о которых агент может не подозревать или которые обнаружит позже. Это могут быть результаты мнемические (непроизвольное запоминание), познавательные (более глубокое понимание), эстетические (воспитание вкуса) и т. д. Возможны дополнительные цели и ожидания, например самоутверждение, получение одобрения, похвалы. Различные цели могут взаимодействовать одна с другой, интерферировать, сталкиваться в конфликте и т. д. Множественность целей затрудняет анализ и интерпретацию опосредствованного действия и его мотивации.

Четвертое свойство опосредствованного действия состоит в том, что оно может протекать по нескольким траекториям и, соответственно, идти по одному или нескольким путям развития. Это определяется тем, какие цели достигаются с помощью одного и того же действия, и тем, в какие более широкие структуры деятельности оно может входить.

Пятое свойство заключается в том, что орудие, опосредствующее то или иное действие, с одной стороны, ограничивает степени его свободы, стесняет его, а с другой способствует ему, облегчает его выполнение. Многое здесь определяется качеством орудия и уровнем овладения им или степенью присвоения орудия.

Шестое свойство означает, что вовлечение новых орудий медиаторов трансформирует опосредствованное действие. Важность понимания того, как новые культурные орудия трансформируют опосредствованное действие, была совершенно очевидной для Л.С. Выготского. Он был убежден в том, что психологическое орудие (например, знак), будучи включено в процесс поведения, изменяет весь поток и структуру психических функций. Оно делает это, детерминируя или задавая структуру нового инструментального акта. Это происходит подобно тому, как техническое орудие изменяет процесс натуральной адаптации, определяя форму трудовых операций. Здесь возникает проблема совместимости и взаимной адаптации агента и орудия (человека и машины). Не каждый человек способен прыгать с шестом или ходить по канату. Равным образом далеко не всякий способен перемножить три трехзначных числа, особенно если они написаны римскими цифрами. В средние века человеку, способному это сделать, давали ученую степень доктора наук. Видимо, эту степень скоро будут давать за перемножение (без калькулятора) арабских цифр. Со стороны агента возможно и активное сопротивление использованию тех или иных культурных орудий.

Согласно седьмому утверждению, взаимоотношение между агентом и медиатором можно характеризовать как овладение. Последнее понятие может быть распространено не только на чужое культурное орудие или внешнее средство деятельности. Овладеть можно и собственными органами или состояниями и построить на их основе новые функциональные органы.

В соответствии с восьмым утверждением взаимоотношение между агентом и медиатором можно охарактеризовать и как присвоение. Конечно, различия между овладением и присвоением весьма относительны, но важные оттенки между этими явлениями имеются. М.М. Бахтин рассматривал такую последовательность в присвоении слова: чужое, чужое-свое, свое-чужое, свое. Это же относится к знаниям, к приемам умственной деятельности, к символам, к порожденным образам и ко многому другому, а в конечном счете и к культуре в целом, которая становится своей культурой. Одной из характеристик индивидуальности, согласно М.М. Бахтину, является свое слово в культуре. Именно свое, а не чужое! Правда, необходима повышенная чуткость, чтобы его услышать.

Согласно девятому утверждению, медиаторы полезно рассматривать исторически. Они могут создаваться для одних целей, а использоваться для других, в том числе для манипулирования сознанием, поведением. Такова судьба многих символов, мифов, утопий. Для России, например, характерно «из вечных истин строить казематы» (М. Волошин).

Наконец, последнее, десятое утверждение, вытекающее из предыдущего: медиаторы тесно связаны с властью и авторитетом. Это вполне естественно, так как все медиаторы по своему происхождению связаны с персоной. По логике бл. Августина Главным Медиатором между Богом и людьми является Иисус Христос. Он Медиатор-Персона или Персональный Медиатор. Но Христос одновременно и Слово, и Знак, посланный людям Богом, и Смысл, и Символ веры, и Миф, и Лик (Образ), и Богочеловек. Поэтому все медиаторы или культурные орудия, будучи материальными, несут на себе не только идеальные, но и человеческие черты. Иное дело, что в результате манипулирования медиаторами (и людьми) они могут утратить эти черты и стать бесчеловечными. Но, это уже социологический аспект культурно-исторической психологии.

Продолжая логику Августина, можно сказать, что родители являются персональными посредниками между детьми и миром, в том числе и миром языка. Педагоги тоже являются персональными медиаторами между своими питомцами и миром, в том числе и миром знания, миром науки. И от тех, и от других существенно зависит сохранение и умножение человеческой составляющей культурных орудий и средств деятельности.

Рассмотренные свойства опосредствованного (оно же и опосредствующее) действия, осуществляемого в рамках драматической пентады Бурке, имеют самое прямое отношение к мышлению, которое является и опосредствованным, и опосредствующим действием. Конечно, читателя может смутить контекстуальная и орудийная сложность функционирования мышления. Проще смотреть на него как на божий дар, божественную способность души, инстинкт гения, свободное явление. Все это, действительно, присутствует в мышлении, поэтому оно кажется чудесной способностью. Проницательный А.В. Запорожец писал: «Первое, что мы должны указать при определении психического процесса мышления, что мышление не есть способность, или, вернее, что способность к мышлению не есть мышление. Мышление это деятельность, в которой субъект выходит за пределы, за границы собственного сознания, о которой он относится определенным образом к объекту, воздействует на объект и испытывает сопротивление этого объекта. Мышление требует нового опыта, а не кодировки старого. «Обобщенное отражение» восприятия ничего, кроме гальтоновской фотографии, дать не может» [9, с. 178]. Увидеть за..., эквивалентно отнести к..., сделать нечто. Не просто отнести к действительности, но и отнести в действительности, совершить нечто. Значит, мышление — это прежде всего труд, работа, предметная деятельность, действие со всеми вытекающими из этой прозы последствиями. Оно отягчается насущными

целями, удобными или не очень удобными средствами, контекстом или социальными и предметными обстоятельствами, стереотипами, когнитивным стилем, функциональным состоянием агента и многим, многим другим. Все это ограничивает степени свободы мышления, делает его ответственным за достигнутые результаты. Представленная выше деятельностная проекция мышления отличается от его логической проекции (анализ, синтез, обобщение и т. п.). Она отличается и от проекции мышления, имеющейся в теории поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина, и теории формирования содержательных обобщений В.В. Давыдова, хотя в каком-то смысле может рассматриваться как их расширение и развитие, равно как и восполнение того, чем они пренебрегли.

Однако необходимо отчетливо осознавать, что сама по себе деятельностная проекция мышления, положение о том, что мышление это опосредствованное и опосредствующее действие, еще не есть разгадка чуда мышления, раскрытие его тайны. Это, скорее, один из возможных подходов к тайне и чуду мышления. Смысл, значение, структура и опосредствованного, и опосредствующего действия все еще представляют собой вызов для культурно-исторической психологии и психологии мышления (см. [25]). Пока же можно сказать, что все перечисленные медиаторы, начиная от технических орудий и кончая всем набором ментальных (и этических), входят в структуру опосредствованного действия, становятся неотъемлемой его частью, до известной степени определяют развитие мышления, его направленность и продуктивность. В то же время нужно отчетливо сознавать, что само по себе наличие медиаторов не приводит автоматически к продуктивному мышлению. К. Дункер писал: «Даже при наличии огромного склада орудий не возникает сама собой способность в случае борьбы поразить врага в наиболее уязвимое место. Более того, мы еще увидим, что мышление является борьбой, в которой куется его собственное оружие» [7, с. 24]. По выражению П. А. Флоренского, куется «орган разума», строится «функциональный орган индивида», который, в соответствии с логикой А.А. Ухтомского, может считаться «строительным материалом» и одновременно единицей развития духовного организма, познание анатомии и физиологии было главной целью жизни ученого. Равным образом для Л.С. Выготского понятие «психологическая функциональная система», в том числе, разумеется, и мышление, было единицей развития (и анализа) «душевного организма, обладающего деятельностями» [3, т.1, с. 157].

Как бы ни рассматривать мышление, в качестве функционального органа-новообразования или функциональной системы-новообразования, главное состоит в том, что такие органы или системы представляют собой деятельности и действия. Последние не могут осуществляться в безвоздушном пространстве и без соответствующего «духовного оборудования». Для их изучения рассмотренная пентада К. Бурке может считаться избыточной, а может и недостаточной, поскольку учет всех обстоятельств возникновения и развития опосредствованного и опосредствующего действий невозможен. Определим минимально необходимые условия для возникновения такого действия. Во-первых, должна быть интерпсихическая ситуация, ситуация взаимодействия ребенка и взрослого, ситуация «совокупной деятельности» (термин Д.Б. Эльконина). Во-вторых, эта деятельность должна включать предметы и соответствующие орудия-средства. Это обеспечивает человеческую среду развития, в строгом смысле — развития еще не деятельности, а преддеятельности. Последняя (помимо ее непосредственного предмета) оказывается троякоопосредствованной: взрослым — персональным медиатором, знаком (в широком смысле — семиотическим медиатором) и орудием (техническим медиатором). Эта «святая троица» составляет фундамент исходной генетической единицы развития любого опосредствованного действия, будь оно внешним или внутренним, предметным или умственным. Независимо от формы такое действие будет обладать модусом предметности и идеальности одновременно [12]. Обратим внимание на то, что эта же «святая троица» составляет и фундамент учебного действия,

что вполне естественно. Каковы бы ни были взаимоотношения между обучением и развитием, они строятся на одном фундаменте. Надеюсь, читатель понимает разницу между фундаментом, на котором строится тот или иной акт-событие, будь то событие знания, понимания, развития, мысли, и самим актом. Последний должен еще быть раскрыт и специфицирован.

Впоследствии на этом же фундаменте возникают разнообразные формы совместной, коллективно-распределенной и индивидуальной деятельностей. Последняя и по происхождению, и по существу продолжает нести на себе следы диалога, понимаемого в самом широком смысле этого слова.

Рассказ о мышлении как деятельности и действии будет неполным, без освещения проблематики мыследеятельности, которая на протяжении многих лет развивалась Г.П. Щедровицким и продолжает развиваться П.Г. Щедровицким. Сделаем шаг назад к психологической теории деятельности. Один из ее создателей А.Н. Леонтьев прекрасно понимал, что «введение так называемой категории деятельности в психологию ставит много вопросов, в том числе и дискуссионных, что психологическому исследованию деятельности положено лишь начало, и оно по необходимости отвлекается от некоторых психологических реалий» [13, с. 244—245].

А когда перестали отвлекаться от таких реалий, то вдруг оказалось, что собственно психологическое содержание (момент, компонент) деятельности представляет собой проблему, имеющую разные варианты решения даже у участников одной научной школы. Причина этого состоит в том, что психологическое содержание деятельности не извлекалось из нее, а вводилось в нее искусственно. Например, к деятельности добавлялись мотивы (А.Н. Леонтьев), потребности (В.В. Давыдов), и таким образом она «психологизировалась». П.Я. Гальперин добавлял к деятельности мышление и получал осмысленную деятельность; С.Л. Рубинштейн добавлял сознание и получал сознательную деятельность, или единство сознания и деятельности. Г.П. Щедровицкий, добавив мысль и мышление, получил мыследеятельность.

Как это ни печально, но представителям психологической теории деятельности нужно согласиться с пессимистическим заключением Г.П. Щедровицкого: «...сами выражения «деятельность», «действие», если оставить в стороне определение их через схемы воспроизводства, выступают как выражения сильных идеализации, чрезмерных редукций и упрощений, которым в реальной жизни могут соответствовать только крайне редкие искусственно созданные и экзотические случаи» [24, с. 297]. Относительно деятельности автор прав, а что касается действия, то такое заключение принципиально неверно. Стратегия изучения действия была совершенно иной. Его когнитивные, оценочные, рефлексивные, мотивационно-потребностные и аффективные компоненты выявлялись в нем самом, извлекались из него, а не вводились извне. Это общеизвестно!

Категория деятельности была, действительно, упрощена и рационализирована в диалектическом материализме, потому она и стала объяснительным принципом всей психики в психологической теории деятельности. Именно в таком рационализированном виде принял ее и Г.П. Щедровицкий, с чем связан его «проектировочный» пафос. На самом деле исследования деятельности вовсе не проще, чем исследование мышления. На это обращал внимание П. А. Флоренский: «...деятельность по самому существу ее для рационализма непостижима, ибо деятельность есть творчество, т. е. прибавление к данности того, что еще не есть данность, и, следовательно, «преодоление закона тождества» [22, с. 80]. Сам Г.П. Щедровицкий не от хорошей жизни ввел понятие «мыследеятельность». Его не удовлетворяла им же разделявшаяся бедность психологической интерпретации понятия «деятельность»: «В реальном мире общественной жизни деятельность и действие могут существовать только вместе с мышлением и коммуникацией (хорошо бы так было на самом деле. В.З.). Отсюда и выражение «мыследеятельность», которое больше соответствует ре-

альности и поэтому должно вытеснить и заменить выражение «деятельность» как при исследованиях, так и в практической организации» [24, с. 297—298].

Понятие «мыследеятельность» конечно, довольно искусственно, но вполне адекватно для ситуаций, которые оно обозначает. В нем фиксируются ситуации, когда мышление включено в контекст практической деятельности, когда необходимо организовать коллективную, комплексированную работу, в том числе и учебную деятельность. Мыследеятельность это полезный инструмент организации коллективного надпрофессионального и надпредметного мышления. Сложность такой организации трудно преувеличить. Думаю, что, когда такая деятельность действительно станет осмысленной и привычной, приставка «мысле» отпадет сама собой. Едва ли такая судьба постигнет понятие «мыследействие», используемое философами, педагогами и психологами.

Литература

1. Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. СПб., 1914.
3. Выготский Л. С. Собр., соч.: В 6 т. М., 1982-1987.
4. Гордеева Н. Д. Микродинамика внутренней формы действия // Вопросы психологии. 2000. № 6.
5. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М., 2000.
6. Джемс У. Зависимость веры и воли и другие опыты популярной философии. СПб., 1904.
7. Дункер К. Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование мышления // Психология мышления. М., 1965.
8. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М., 1999.
9. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: В 2т. М., 1986. Т.1.
10. Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г. Восприятие и действие. М., 1967.
11. Зинченко В. П. Теоретические проблемы психологии восприятия // Инженерная психология. М., 1964.
12. Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Совокупная деятельность как генетически исходная единица психического развития // Психологическая наука и образование. 2000. № 2.
13. Леонтьев А. Н. Избр. психол. произв.: В 2 т. М., 1983. Т. 2.
14. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.
15. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968.
16. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1999.
17. Мандельштам О. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
18. Платон. Собр. соч.: В 4т. М., 1994. Т.3.
19. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1.
20. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
21. Теплов Б. М. Избранные труды. В 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т.1.
22. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: В 2 т. М., 1990. Т.1.
23. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Часть вторая // Символ. Париж, 1992. Т. 28.
24. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
25. Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М., 1994.